
Оказалось, мы спали на одуванчиках.
Они, полные нежного майского солнца,
Щекотали нас
И умирали под нами.
Какие горькие теперь пальцы,
Какие горькие теперь губы,
Сколько ни пей – не перебьёшь, не смоешь.
«Горько?» – спрашивали стебельки.
«Горько!» – отвечала земля.
И небо
Не успевало задуть последний цветок,
Никогда не белый.

В поле скитаться странникам. В сосны катиться солнышку.
Ночь виновато пятится, смотрит, как сирота.
Где ты Ива-Иванушка, – кличет Алё-Алёнушка,
Кличет Алё-Алёнушка, не открывая рта.

Бродит Ива-Иванушка, ищет в деревьях солнышко,
Тянутся руки к прошлому, ноги – ведут в овраг.
Длинная ночь полынная. Всё хорошо, Алёнушка,
Всё хорошо, Алёнушка, я возвращусь с утра.

Светит рубаха белая ярче, чем в полдень солнышко
Ты обо мне, пожалуйста, слезы не лей, сестра.
Где ты Ива-иванушка? – кличет Алё-Алёнушка
Здесь я – разносят по полю
Здесь я – разносят по лесу
Здесь я – разносят по небу
Северные ветра.

Любить – за здоровье,
Хранить – за упокой.
Останешься случайною строкой,
И будущее белою рукой
Из шапки времени её достанет фантом.
К чему сейчас для «после» варианты?
Зачем ты там, когда пока что – здесь,
И жмётся снег, подтаявший, к подошвам.
Ты – лес и голос – видишь знак «Не лезь»,
Но всё равно киваешь тем, кто в прошлом.

Лене

В пятом классе упали в сугроб,
Чтобы остались только звёзды.
Остались только звезды и мы – остались
Между паром, выходящим изо рта, и купальником,
сохнувшим на веревке,
Между ленточкой «Выпускник» и дорожной сумкой,
Между снегом и небом.

Ночью на первое января

Там, то есть здесь,
Нет ничего кроме синего морозного света.
Вероятно, Новый год, наступая, переступил через нас.
А обратно – не переступил.
Значит, не вырастем, не разъедемся, не расстанемся.

За пределами нас
Только лес.
Да висит, словно тюль, мороз.
Всё простилось, не всё срослось.

От меня
Меня
Занавесь
Белым холодом.

Окунусь
В ледяную утра купель
И душой босой пробегусь
По лесной тропе.

И поэтому мы стоим, облокотившись о время,
Оперевшись на память,
Гадая на ромашках, сорванных в детстве,
Когда с высоты
Раздается монотонное, гулкое, пахнущее кладбищенской
землёй
И неприкаянностью «Ку-ку».
Иначе
Захочется плакать обо всех, кого знал и не знал,
Обо всех, кто любил – не любил,
О каждом первом встречном и последнем встречном.
Зачем мы такие маленькие и беззащитные.

Затыкаю уши.

Это над нами. Это нас не коснётся.

Дворец культуры. Тесно за кулисами.

«Ну, скоро? Пятые? Твои в каком ряду?».

Остались мы

– фломастером написано

В две тысячи каком-то там году.

На сцене между досок шпильки наши,

И в холле выцветшие фотоснимки наши.

Всё об ушедшем или о пропавшем

О ком ушедшем и о чем пропавшем?

Там так же пахнет лаком для волос,

И полный зал, и педагог усталый.

Ну как, ну как, ну как я станцевала?

Сама себе я задаю вопрос.

Меня метелью перекрестит небо,

Растает небо прямо на щеке.

Тебя найти бы

Где бы

Где бы

Где бы?

Здесь только небо.

Небо-небо-небо.

И тихий свет,

И счастье – вдалеке.

Медленно тает «спасибо»

Горячим шёпотом.

Хорошо, что так.

Хорошо

Этот день, удивительно ясный, простой, как валенок,

Благодарить

Да замаливать.

А вокруг только сосны и ели, в сугробы вросшие,

Вдруг покажется, будто случилось одно хорошее.

И возможно одно хорошее.